

Мясо цистанхе изначально предназначалось для господина, но кто бы мог подумать, что, узнав об этом, госпожа Сунь придет в ярость. Она со всего размаху швырнула лаковую шкатулку с золотым узором на столик — если бы внутри не было ватной подкладки, нефритовая заколка непременно разбилась бы вдребезги.

Слуга, все еще топтавшийся за павильоном, набрался смелости и, вытянув шею, робко подал голос:

— Госпожа, господин велел бережно хранить этот редкий экземпляр...

— Вон отсюда! — взревела госпожа Сунь, побагровев от гнева.

Слуга и две служанки, перепугавшись, поспешно втянули головы в плечи и бросились наутек — очевидно, подобное происходило не впервые. В следующее мгновение госпожа Сунь схватила корень цистанхе, бросила его на пол и принялась неистово топтать ногами.

— Клялся, что дети ему не нужны, и я поверила... Как он посмел так меня обмануть? Если бы не мой отец, который в свое время оказал ему огромную поддержку, разве смог бы он сейчас занимать такое высокое положение?

Растоптав траву, госпожа Сунь не успокоилась и перевела взгляд на драгоценные нефритовые украшения. Сяо Минъюэ, не теряя времени, быстро сгребла все ценности в кучу и с виноватой улыбкой произнесла:

— Госпожа, к чему такая ярость? Хоть лекарство и предназначено для господина, но оно вовсе не... — не предназначалось для вас.

Госпожа Сунь гневно уставилась на Сяо Минъюэ, и та тут же смекнула, что стоит сменить тон:

— Эти нефритовые изделия такие хрупкие, а у вас руки нежные, как лепестки, и сами вы — особа благородная. Если вдруг что-то повредится, будет очень жаль!

Даже простой торговец умел говорить столь приятные вещи, отчего госпожа Сунь пришла в еще большее бешенство — в глазах у нее буквально потемнело. Если бы не случай, она бы так и не узнала, что уездный начальник намерен завести наложницу, чтобы та родила ему наследника. Хотя в округе Чу мужчинам позволялось иметь множество наложниц, но когда начальник входил в ее семью в качестве примака, он давал клятву никогда не приводить в дом других женщин.

То, что вызвало недоумение у Сяо Минъюэ, было как раз больной темой в отношениях госпожи Сунь и начальника. Из-за того, что она не могла иметь детей, супруги уже много лет не делили ложе, и со временем между ними накопилось немало обид. Однако об этих постыдных вещах нельзя было рассказывать посторонним, о них знали лишь родные госпожи Сунь.

Она пристально смотрела на нефритовые украшения на столе, гнев еще не утих, но вскоре ее

мысли переключились на другое.

Сяо Миньюэ почтительно стояла в стороне, опустив голову и не смея ни на что смотреть. Госпожа Сунь холодно усмехнулась. Все-таки она была из знатного рода, и, даже играя долгие годы роль обиженной затворницы, сохранила остатки былой проницательности.

Госпожа Сунь подошла ближе к Сяо Миньюэ и спросила:

— Как тебя зовут?

Сяо Миньюэ сложила руки в приветственном жесте:

— Моя фамилия Сяо, а имя — Мяо. — Имя действительно было Мяо, так что она не солгала.

— Вижу, ты человек неглупый, поэтому не буду ходить вокруг да около. Торговцы, доставляющие товары в поместье, обычно не заходят во внутренние покои. Сегодня ты намеренно показала мне эти вещи, чтобы я узнала о тайных делишках начальника, не так ли?
— Госпожа Сунь произнесла это сквозь зубы, стараясь сдержать эмоции.

Сяо Миньюэ улыбнулась, отбросив притворную простоту, и ответила:

— Госпожа невероятно проницательна. Мой отец в детстве работал в доме семьи Сунь. Благодаря милости старой госпожи он получил шанс обучиться столярному делу, а позже, покинув поместье, отправился искать счастья. Тем, что торговый караван семьи Сун достиг нынешних высот, мы обязаны именно роду Сунь.

При упоминании старой госпожи Сунь, госпожа Сунь не смогла сдержать волнения. Когда она была еще совсем юной девушкой, у нее обнаружили недуг, из-за которого она не могла иметь детей. Бабушка не только не отвернулась от нее, но окружила еще большей заботой, и даже когда семья осудила ее за то, что она сама выбрала себе мужа, только бабушка поддержала ее выбор.

Госпожа Сунь отвернулась и вытерла рукавом слезы. Спустя мгновение она повернулась обратно, ее лицо было бесстрастным:

— Сяо Мяо, раз уж ты хочешь отплатить за доброту, которую род Сунь проявил к твоему отцу, помоги мне в одном деле. И знай: если ты хочешь что-то получить от меня, я тоже смогу тебе помочь.

Сяо Миньюэ ни секунды не колеблясь ответила:

— Я сделаю все, что прикажет госпожа.

Выйдя из резиденции начальника, Сяо Минъюэ по пути заглянула в винную лавку за ланьлинским вином и купила жареную курицу. Когда она неспешно вернулась в поместье Сун, слуга забрал у нее из рук винный кувшин.

С каменных ступеней к ней подбежал Е Ну. Увидев у Сяо Минъюэ на плече сумку, он спросил:

— Товар в резиденции начальника не приняли? — А затем добавил: — Если товар не приняли, почему они прислали деньги? И настаивали, чтобы принял их именно Сяо Мяо.

Сяо Минъюэ, не придавая этому значения, передала вещи Е Ну и спросила:

— И что ты им ответил?

— Они внезапно спросили Сяо Мяо, я на мгновение опешил, но все же сказал правду: мол, молодой хозяин отправился в резиденцию начальника и еще не вернулся. Тот человек, услышав это, остался вполне доволен, оставил деньги и ушел. Молодой хозяин, там что-то случилось?

Сяо Минъюэ прошла под галереей, лихо взмахнула полой халата и уселась на деревянные перила. Она вертела в руках маленькую красную плетъ, в ее ясных, живых глазах играла улыбка:

— Эта затворница оказалась весьма бдительной. Ничего, мы и не такое узнавали.

Е Ну не понял, о чем она, и, нахмутив густые брови, простодушно стоял рядом. Сяо Минъюэ легонько коснулась плетью его лба и поддразнила:

— Ты, маленький слуга, еще пытаешься вывести дела молодого хозяина? Брось, тебе этого не понять. Я купила ланьлинское вино и вашу любимую жареную курицу. Попозже купи еще сладких лепешек, раздашь всем. Ты выдал жалованье, как я велела?

— Конечно, все очень обрадовались.

— Вот и хорошо. Кстати, с тем товаром из резиденции начальника съезди еще раз в уездную канцелярию, только помни: не упоминай, что я уже один раз привозила его.

Е Ну отозвался короткое «угу», и тут Сяо Минъюэ, прищурившись, спросила:

— Я же велела тебе отвезти рис и мясо моей старшей сестре в деревню Цинхэ, почему ты все еще здесь?

— Ах, так ведь пришли люди из резиденции начальника, я испугался, что другие не справятся, вот и решил заняться этим сам... — Е Ну увидел, что Сяо Минъюэ уже заносит плетъ, втянул голову в плечи и, попятившись, бросился бежать, оставив после себя лишь дрожащий голос: — Сейчас же еду!

Сяо Миньюэ с довольным видом потянулась, наслаждаясь минутой покоя. На самом деле о тайне бесплодия госпожи Сунь она узнала, подслушав разговоры отца и наставника.

Сун Иньху после выпивки рассказывал Сун Фэйину, что если бы в детстве не обучился столярному делу, то не заработал бы стартового капитала для лавки, а позже не расширил бы бизнес до торговых караванов. Сун Иньху был очень благодарен старой госпоже Сунь за ее доброту, и о многих делах семьи Сунь он никогда не рассказывал посторонним. В роду Сунь всегда были женщины, не способные к деторождению, и госпоже Сунь, увы, не повезло.

Сяо Миньюэ хоть и не имела дел с резиденцией начальника, но часто слышала сплетни на рынке. Госпожа Сунь уже десять с лишним лет не рожала, но они с начальником по-прежнему жили душа в душу, вызывая зависть у всех вокруг. Но если кого-то и можно было обмануть, так это наивных девушек из глубоких покоев. Сяо Миньюэ, взглянув на книгу заказов начальника, сразу все поняла: в этом мире, кроме ее брата Сун Яня, вряд ли найдется много «чистых» мужчин. Что касается госпожи Сунь, то она просто занималась самообманом.

Вечером госпожа Сунь прислала служанку с посланием — это был предмет их сделки.

Разузнав все через слуг, госпожа Сунь убедилась, что Сяо Мяо — действительно молодой хозяин торгового каравана Сун, и что его отец Сун Иньху действительно работал в семье Сунь. В словах Сяо Миньюэ не было ни капли лжи. В обмен на это госпожа Сунь потребовала найти наложницу начальника, а взамен передала шелковое письмо с обязательством о выплате пособия на погребение и компенсации за третьего сына семьи Цзинь.

На письме стояла печать госпожи Лин из старшей ветви семьи.

Сяо Миньюэ еще тогда, подслушав разговор старой госпожи Цзинь и управляющего Чжу, заподозрила неладное. Путешествуя по пограничным уездам, она знала многих служивых, и ни разу не слышала, чтобы погибшим на войне не выплачивали пособия. Нынешний император Сяо-ди даже поощрял мужчин идти на службу, поэтому ситуация, когда Цзинь Шаои, отдав жизнь за страну, вернулся домой в такой нищете, была невозможна.

А слова Лин о том, что Цзинь Шаои был дезертиром, — тем более. Если бы он был дезертиром, то все поля, дома и имущество семьи Цзинь в округе Чу были бы конфискованы, и неважно, есть ли у них племянник в канцелярии или нет — всех бы схватили.

Вторая жена, госпожа Цинь, была раздавлена горем из-за потери сына, а Цзинь Жухуэй только и знал, что предаваться утехам. У женщины просто не было сил искать справедливости, а кроме того, если бы Цзинь Шаои действительно признали дезертиром, пострадала бы вся семья. Старая госпожа Цзинь была прикована к постели. Вот и выходило, что второй ветви пришлось смириться — именно так Лин и держала их в ежовых рукавицах.

Раз уж у Лин был племянник в канцелярии, то проверить эту аферу было несложно. Сяо Миньюэ смотрела на шелковое письмо: две тысячи монет пособия за жизнь человека — Лин и впрямь была уверена в своей безнаказанности.

Сяо Миньюэ не стала отдавать письмо старой госпоже Цзинь, а вручила его самой Лин.

Лин не выдержала, на ее лице промелькнул испуг, ресницы задрожали. Долго думая, она наконец нашла оправдание:

— Видимо, с дезертирством я ошиблась. Я как раз собиралась вернуть эти деньги на похороны второй ветви. Младшая невестка сейчас так убивается, я, конечно, должна учитывать ее чувства... Ох, что я объясняю, тебе, чужаку, все равно не понять. Зачем ты вообще суешься в дела нашей семьи?

Сяо Миньюэ находилась в Северном саду Лин. Зеленые бамбуки тихо шелестели, она с комфортом сидела в беседке, расправив полы халата, и с невозмутимым видом смотрела на Лин.

Лин сжимала в руках желтый шелковый платок, гордо выпятив грудь под ее взглядом. Сяо Миньюэ стало смешно, и она произнесла:

— Госпожа, я принесла лишь письмо, не успела сказать и полуслова, а вы так засуетились, словно боитесь, что я чего-то не знаю?

— Ты... — Лин поняла, что попалась, и в ярости воскликнула: — Чего ты хочешь?

<http://bllate.org/book/20047/1981190>